

ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ "АПОЛИТИЧНЫХ" ПОЭТОВ 70-80-Х ГОДОВ

Civic motives in the work of Russian apolitical poets in 1970-1980ies

The article tackles upon the work of Russian poets of the group “Moskovskoye vremya” (“Moscow Time”). These poets positioned themselves as unengaged in politics, they were neither official nor dissident authors, nevertheless, they took civic issues close to heart. The article discusses their attitude towards the country and the society and means of their depiction.

Keywords: Russian poetry, civic lyrics, censorship, group “Moscow Time”, critical sentimentalism

Поскольку при представлении данного доклада на конференции некоторые коллеги сочли формулировку темы парадоксальной, следует, по-видимому, предварить анализ конкретных текстов экскурсом в «историю вопроса».

Терминологический статус за понятием «гражданская поэзия» был закреплен в 1925 году в *Краткой литературной энциклопедии*, соответствующая статья которой гласила:

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЭЗИЯ характеризуется тем, что основные темы ее относятся к защите общественных интересов. Гражданский поэт — глашатай общественных настроений и чувств, будящий общество и призывающий его к деятельности. Таким образом Г. П. есть художественная публицистика в стихах (КЛЭ 1925).

В *Краткой литературной энциклопедии* 1960-1970-х гг. такая статья отсутствует, однако автор статьи *Лирика* Л. Тимофеев называет тематический принцип классификации лирических стихотворений «малопродуктивным». При этом тот же Л. Тимофеев в учебном пособии *Основы теории литературы* (1976) заявляет: «Различие форм лирического жанра основано главным образом на тематическом принципе. Такова любовная, философская, политическая лирика...»

(Тимофеев 1976, 368). Почти дословно этот же пассаж присутствует в статье *Лирика Словаря литературоведческих терминов* под редакцией того же Л. Тимофеева, хотя и написанной Л. Тодоровым: «Виды Л. устанавливаются чаще всего в зависимости от конкретного содержания, выраженного в ней душевного движения. Таковы политическая, пейзажная, философская, любовная лирика, лирика дружбы и т.д.» (*Словарь литературоведческих терминов* 1974, 175).

Мы видим, что определение «гражданская» в позднейшей тематической классификации лирических стихотворений отсутствует и заменяется другим – «политическая», между тем как И. Эйгес в КЛЭ 1925 проводит четкую границу между этими двумя понятиями. Была ли такая подмена случайной либо намеренной, связанной с тем, что понятие «гражданская» каким-то образом шла вразрез с официальной идеологией, сказать трудно.

Подобная классификация лирики до сих пор бытует в обиходе преподавателей литературы в силу ее удобства и наглядности; в советские годы ею также широко пользовалось академическое литературоведение, особенно то, что стояло на службе официальной идеологии. При этом именно гражданская, или политическая лирика рассматривалась как наиболее «прогрессивная» и имеющая право на существование в «социалистическом обществе»: «В социалистическом об-ве Л. приобретает все большее объективное значение. Поэт получает право говорить от лица всего об-ва, его эстетические идеалы совпадают с идеалами народа» (*Словарь литературоведческих терминов* 1974, 175). Таким образом достаточно «невинная» классификация поэзии «по темам» легла в основу советской цензуры, в устах которых обвинение автора в «безыдейности» закрывало ему путь к публикации.

Я не ставлю целью исследовать понятие «гражданской лирики», однако уже процитированные тексты (словарные и учебные, т.е. заведомо «директивные») демонстрируют сразу несколько подмен. Если в определении 1925 года «гражданский поэт» описывается как «будящий общество и призывающий его к деятельности», то поэт (любой) в определении 1974 года «получает право говорить от лица всего об-ва, его эстетические идеалы совпадают с идеалами народа». И понятия гражданской и политической лирики, разнесенные в определении И. Эйгеса, объединяются в позднейших дефинициях.

Собственно, как, наверное, в любом обществе, в советском существовало два полюса гражданского поведения – полная лояльность к существующему общественному строю и полное его неприятие, чреватое протестом, между которыми, как между всякими полюсами, располагался целый спектр промежуточных состояний. В 70-е-80-е годы XX века от поэта не требовалось каждым словом восхвалять советскую власть, однако требовалось, чтобы в наличии имелось хотя бы некоторое количество подобных текстов – тех, что в литературном обиходе назывались

«паровозами», способными «вывезти» в печать и стихи, в которых отсутствовала какая-либо политическая ангажированность.

Собственно, большую часть «неподцензурных» поэтов того времени составляли не диссиденты, писавшие на «запретные» темы, а личности с той или иной степенью неприятия советской действительности, не писавшие «паровозов», либо настолько чуждые предписываемой соцреалистической эстетике, что никакие «паровозы» их не спасали. Случались, конечно, исключения – так, в 1981 году в издательстве «Современник» вышел сборник стихов И. Жданова, автора, целиком погруженного в метафизические размышления и весьма далекого как от восхваления, так и от критики современности.

Неподцензурный пласт тогдашней советской поэзии был весьма велик, и все они были очень разными и по поэтике, и по мировоззрению, поэтому ограничимся рассмотрением лишь нескольких авторов, которые сами объединили себя в группу под названием «Московское время» - это А. Сопровский, С. Гандлевский, Б. Кенжеев и А. Цветков. Собственно группа в данном составе существовала до 1975 года, до эмиграции А. Цветкова. В 1982 году эмигрировал также Б. Кенжеев, А. Сопровский погиб в 1990, успев, правда, в годы перестройки организовать поэтический клуб «Московское время», в котором, как отмечает М. Айзенберг,

«члены объединения перемешались с болельщиками». При этом, сообщает Айзенберг, первоначальный поэтический его состав расширился и омолодился, но это произошло раньше, когда к объединению постепенно, по одному, примкнули три незаурядных молодых автора. Виктор Санчук – старший среди младших и первый по времени: 1982 год, если использовать “Трепанацию черепа” как архивный источник. Следующим был Дмитрий Веденяпин, последним Григорий Дашевский, год 1985-й (Айзенберг 2005).

Близкими к «ядру» по поэтике участниками клуба считались также С. Преображенский и Т. Кибиров. Непечатание этих авторов в советских изданиях объясняет С. Гандлевский:

Я имею честь принадлежать, – и сейчас я не паясничаю, а говорю вполне серьезно, – действительно, *имею честь* принадлежать к кругу литераторов, раз и навсегда обуздавших в себе похоть печататься. Во всяком случае в советской печати. Можно было быть занудой или весельчаком, трусом или смельчаком, скупердяем или бессребреником, пьяницей или трезвенником, дебоширом или тихоней, бабником или однолюбом, но обивать редакционные пороги было нельзя. [...] Литература была для нас личным делом. На кухню, в сторожку, в бойлерную не помещались никакие абстрактные читатель, народ, страна. Некому было открывать глаза или вразумлять. Все всё и так знали. Гражданскому долгу, именно как внешнему долженствованию, просто неоткуда было взяться. И если кто писал антисоветчину, то по сердечной склонности (Гандлевский 1996, 87-88).

Таким образом, Гандлевский отрицает какую-либо связь поэтов «Московского времени» с «гражданским долгом». И действительно, «антисоветчина» встречалась в их стихах крайне редко – и скорее у таких авторов, как Кибиров или Преображенский, чем собственно у «московременцев». При этом Кибиров называет себя «советским поэтом», поясняя:

...обилие в моих стихах реалий советской жизни, советской политики, советской зоологии – это, на самом деле, это не столько по ведомству гражданской скорби или негодования, сколько попытка уберечь от забвения вот этот уже действительно мусор. Какая бы она ни была, это ведь все-таки была жизнь, и она должна запечатлеться эстетически оформленной и осмысленной. (Т. Кибиров, интервью Ф. Николаеву, расшифровка).

Сопоставив высказывания двух близких по поэтике и мировоззрению авторов, можно понять: отрицая гражданственность как навязанный извне долг, они (и их друзья-единомышленники) вовсе не отрицают ее как внутреннее переживание.

Согласно словарю В. Даля, слово «гражданский» означает «относящийся к гражданам, к государственному или народному управлению, к подданству»; по *Малому академическому словарю русского языка* – «Свойственный лицу, сознающему себя членом общества, членом данного государства». Как видим, в современном определении тема «отношения к власти» выражена даже слабее, чем у Даля. Однако естественно, что человек, живущий в данной стране испытывает по отношению к ней некие эмоции. Особенностью поэтов «Московского времени» служило сочетание традиционной, порою «высокой» поэтики с подчеркнута «непоэтической», бытовой тематикой, укладывали описание того, что Т. Кибиров назвал «советским мусором», в строгие рифмованные ямбы и анапесты, что создавало своеобразное сочетание иронии с пафосом. Муссировались темы, характерные для соцреалистической поэзии – родина и ее просторы, народ, война и мир, собственно советский гражданин – однако решались не в хвалебно-бравурном ключе, как у официозных авторов, и не в критическом, как у диссидентов.

Вот наша улица, допустим,
Орджоникидзержинского,
Родня советским захоlustьям,
Но это все-таки Москва.
Вдали топорчатся массивы
Промышленности некрасивой –
Каркасы, трубы, корпуса
Настырно лезут в небеса.
Как видишь, нет примет особых:

Аптека, очередь, фонарь
Под глазом бабы. Всюду гарь.
Рабочие в пунцовых робах
Дорогу много лет подряд
Мостят, ломают, матерят.

(С. Гандлевский)

В этом отрывке из стихотворения С. Гандлевского присутствуют: имена революционных деятелей, в честь которых часто называли улицы – но объединенные в одну абсурдную фамилию; «производственная тема» - но промышленность «некрасива» и «настырна», «всюду гарь»; труд рабочего класса – но бессмысленный: «мостят, ломают, матерят». Далее в этом же стихотворении описываются жители улицы, которые «с детьми играли в города – Чита, Сучан, Караганда» - т.е. называются места сталинских лагерей и ссылок. Однако, заключает Гандлевский, «...знала чертова дыра//Родство сиротства – мы отсюда.//Так по родимому пятну/Детей искали в старину». Т.е. именно эта *Йокнапатофа* и есть родина.

народ не верит в истину вообще
а только в ту, что в водке и в борще
мы постигаем ход абстрактной мысли
на практикумах в школе и семье
где всем по норме наливают миски
но вдвое полагается себе

(А. Цветков)

«Народ» - одна из важнейших тем соцреалистической поэзии, где ему полагается петь дифирамбы; даже Бродский посвятил народу восторженные строки (хотя и не очень по душе пришедшиеся редакторам, так как восхищался поэт не тем, чем предписывалось); в цветковском же рассуждении о народе – констатация не слишком приглядных черт, прививаемых «в школе и семье»; вспомним, что «семья и школа» - штамп советской журналистики и педагогики, так назывался популярный журнал, посвященный воспитанию «строителей социализма».

Наиболее политизированным из этих поэтов был, пожалуй, А. Сопровский, автор таких стихотворений как *Могилы Мандельштама*, *Бернгардтовка* (посвященное расстрелу Н. Гумилева) или посвященные Б. Пастернаку *Стихи о жертвенной роли интеллигенции в революции*. Это темы, для 70-х годов запретные или полузапретные, хотя к политике как таковой отношения вроде бы не имеющие.

Со всем, казалось бы, не имеет отношения к политической ситуации *Первое Пуническое послание* А. Сопровского, обращенное к С. Гандлевскому:

... Все шире свет по небосклону.
 Свежее ветер перемен.
 Так отворился Сципиону
 Приговоренный Карфаген.
 Воспоминания игривы –
 Но это, кореш, навсегда,
 Здесь по ночам летают рыбы,
 Фосфоресцирует вода.
 И праздный раб слагает оду
 Тому, кто не страшась толпы,
 Мечом распространил свободу
 За Геркулесовы Столпы.

Хотя, конечно, упоминание «ветра перемен» (стихотворение написано в 1986 году, в начале «перестройки») и «приговоренного Карфагена» любой советский редактор расценил бы как «аллюзии» - напомним, что аллюзиями в данном контексте назывались не отсылки, а намеки. Однако лишь сведущий в кружковой семантике москвовременцев увидит здесь и аллюзию настоящую – к стихотворению С. Преображенского *Пелены сумрака развиты...* 1982 года, также на как бы историческую тему и прозрачно намекающее на известные события в Афганистане:

... Там – скифских стран рассветный иней,
 Там – рой гористых островов:
 Кипучий натиск мир раздвинет
 До Геркулесовых столпов.
 Планету в обручи оправив,
 Иному зрению уча,
 Обзор в зависимость поставив
 От протяженности меча.

Обращение к историческим событиям с проекцией на современность – нередкий прием у поэтов 60-х-80-х годов, как неподцензурных, так и подцензурных (Д. Самойлов, Б. Окуджава, А. Галич и др.); из авторов «Московского времени» им пользовались и А. Сопровский, и А. Цветков.

Герой многих стихотворений москвовременцев – выходец из народа, рабочий или, к примеру «учитель химии где-нибудь в Ялуторовске» (А. Цветков) – оборачивается ничемным человечком, алкоголиком, хулиганом, даже вором, что не исключает авторской к нему симпатии. Если разобраться, собирательный этот герой – тот самый пресловутый «маленький человек», которого превозносили учебники литературы, если речь шла о дореволюционном времени и который мог быть только отрицательным героем (мещанином, пошляком) в литературе советской. Некрасивое окружение, отнюдь не героические люди, сомнительная история – «кровь, ложь, общее оскотинение» (С. Гандлевский) – таково в стихах москвовременцев общество,

гражданами которого они себя ощущают. Но они не обличители, также они не пользуются приемом, характерным для таких их современников как Д.А. Пригов и другие авторы, которых критика назвала концептуалистами, - приемом комического выворачивания наизнанку советских реалий и штампов.

«Знание знанием и злость злостью, но что нам делать с любовью, раз она есть? Что делать лирическому поэту с главным своим достоянием – тайной, раз она опозорена?» (Гандлевский 1998, 14) спрашивает С. Гандлевский, называя свой способ поэтического мировосприятия «критическим сентиментализмом», по аналогии с критическим реализмом. Этот термин не получил распространения, хотя широкое распространение получил сам принцип подхода к действительности. Поэты «Московского времени» не обрели такой популярности в критике и литературоведении, как те же концептуалисты и «метаметафористы», однако оказали ощутимое влияние на последующее поколение и его способам выражения своей гражданской позиции.

ЛИТЕРАТУРА

Словарь литературоведческих терминов. Москва 1974.

Тимофеев Леонид: *Основы теории литературы.* Москва 1976.

Айзенберг Михаил: *Минус тридцать по московскому времени*, «Знамя» 2005, № 8. <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/8/aiz7.html> [дата доступа: 20.12.2017].

Гандлевский Сергей: *Трепанация черепа.* Санкт-Петербург 1996.

Гандлевский Сергей: *Критический сентиментализм*, [в:] Гандлевский Сергей: *Поэтическая кухня.* Санкт-Петербург 1998, сс.13-17.